

Никакого преподнесённого на блюдечке мира не существует: чем выше стоишь, тем больше платишь, и тем больше людей погибает в пути. Цзи Юйчуань вздохнул, накрыл лицо книгой и долго молчал, прежде чем заговорить:

— Сяо Ци, скажи что-нибудь.

— Что сказать?

Казалось, в душе Цзи Юйчуаня таилось множество невысказанных, глубоко запрятанных вещей.

— Что хочешь, то и говори.

— Когда я был маленьким, я украл дыню у соседей, меня поймали и избили...

— Всего один раз избили? Выбирай другое.

— В один прекрасный день Вэй Дачу резал свинью тем самым ножом, которым людей кромсают, и даже не помыл его...

— Снова мимо.

Голос Цзи Юйчуаня звучал донельзя лениво, словно он засыпал. Ему что, сказки на ночь послушать захотелось?

— Тогда что сказать?

— М-м... Расскажи про Сяо Мэя, ты ведь к нему равнодушен?

— Сяо Мэй? Сяо Мэй просто пробыл со мной какое-то время, я никогда с ним не виделся.

Лучше бы привязался к какому-нибудь обычному человеку, а от подобных чувств рискуешь каждый день играть со смертью.

— А куда он потом делся?

— Не знаю. Раньше я всегда был один, и он неизменно оставался со мной. Но однажды почему-то вдруг исчез, понятия не имею куда.

— Она похожа на меня?

Цзи Юйчуань убрал с лица книгу и приподнялся:

— Я что, так похож на девицу?

Вэнь Сяоци посмотрел на опасный оголтелый блеск в глазах Повелителя Демонов и яростно затряс головой. Прядь опаленных волос на лбу забавно раскачивалась из стороны в сторону, отчего Цзи Юйчуаню сделалось не по себе.

— С чего это твои волосы так выглядят? Вернешься — возьми у управляющего Лю ножницы и состриги.

— Эти волосы я случайно спалил, когда в прошлый раз разводил огонь, — пояснил Вэнь Сяоци. — Аму тогда отлучился домой к жене, и Вэй Дачу велел мне растопить печь. Я засунул голову прямо в топку, чтобы раздуть пламя, как вдруг оно кареткой взметнулось вверх, и шевелюра превратилась в это.

Цзи Юйчуань лишь бессильно вздохнул: как можно быть настолько бестолковым? Но, зная, что в своем обычном состоянии тот именно таков, он уже привык и потрепал Сяо Ци по голове.

Они сидели в цветочном коридоре под лучами заходящего солнца — один повыше, другой пониже — точь-в-точь сонный хозяин и его не менее сонная кошка, лениво перекидываясь обрывками фраз.

Просидев так почти до самого заката, Цзи Юйчуань в полудреме глубоко вздохнул:

— Сяо Ци, если бы ты заранее знал, что тот ребенок погибнет, ты бы всё равно полез его спасать?

Вэнь Сяоци не понимал, с чего вдруг Цзи Юйчуаня потянуло на разговоры и вздохи. Неужели, раз все люди смертны, их теперь и спасать не нужно? Или Цзи Юйчуань уже знает о предначертанной судьбе жителей Цзянчэна?

— В тот день меня толкнули в толпе. Останься я на берегу, не знаю, бросился ли бы на помощь. Но стоило мне оказаться в воде, как сомнений не осталось.

Цзи Юйчуань взглянул на Сяо Ци, не ожидав от него подобных слов. Легко рассуждать обо всем на берегу, расточая высокопарные речи о спасении мира, но лишь очутившись в озере, человек понимает, сколько в нем на самом деле страха, а сколько отваги.

— А если бы этого ребенка вовсе не существовало, ты бы всё равно стал его спасать?

— Того ребенка? Он что, умер задолго до этого?

— М-м, тоже нет.

Цзи Юйчуань не знал, как это объяснить, и не понимал, зачем вообще изъясняется перед полоумным мелким прислужником.

— Предположим, ты заранее знаешь, что всё кругом фальшивка. Что все живые люди ненастоящие: неизвестно, жили ли они вообще и погибли ли на самом деле. Они такие же, как мы... а может, и мы такие же, как они, и никто не ведает, живы мы или мертвы. Ты бы всё равно пошел их спасать?

Вэнь Сяоци ничего не понял.

— Как это — не знать, жив ты или мёртв?

— Поставлю вопрос иначе. Ты знаешь, что Сяо Мэй в конце концов покинет тебя, и ты абсолютно бессилен что-либо изменить. И что ты тогда станешь делать?

К чему это всё? Будто все вокруг ненастоящие, никто никогда по-настоящему не жил, и все уже мертвы. Неужели ему известно, что Цзянчэн не минует эта беда?

— Господин хочет сказать, что мы все фальшивки, неизвестно, живые мы или уже мертвые?

— Скажи я такое кому-то другому, меня сочли бы таким же безумцем, как ты.

Пожалуй, лишь потому, что Сяо Ци ничегошеньки не смыслит, с ним и можно вести подобные бредовые беседы.

Цзи Юйчуань говорил непринужденно, но на Вэнь Сяоци его слова произвели сильнейшее впечатление. Неужели Цзи Юйчуань понимает, что всё происходящее здесь — лишь иллюзия? Откуда ему знать?

— Г-господин, я не безумец и не больной! Посмотрите, я уже полмесяца никого не кусал, правда!

Вэнь Сяоци долго мучился сомнениями, пока не сообразил, что дело вовсе не в этом. Главный вопрос заключался в том, что именно ведомо Цзи Юйчуаню.

— Господин, вы ведь не хотите сказать, что весь Цзянчэн ненастоящий?

Цзи Юйчуань не ответил, а вместо этого спросил:

— Сяо Ци, а ты сам хочешь жить?

— Хочу!

— Почему?

И правда, почему? Даже если просто влачить жалкое существование и ждать смерти, всё равно нужно жить. Или что, узнав о своей неизбежной кончине, надо сразу уколошить себя?

Подобные нигилистические мысли Повелителя Демонов очень смахивали на философию Сяо Мэя: пустота, крайности и легкий налет холодной жестокости закона джунглей, где выживает сильнейший. Раз вещам предначертано сгинуть, не проще ли уничтожить их с самого начала?

Он что, и впрямь обычный читатель?

— Господин, вы же не бросите жителей Цзянчэна на произвол судьбы?

Заметив испуганное выражение лица Сяо Ци, Цзи Юйчуань вдруг рассмеялся:

— Испугался? А когда ты вонзил нож в собственное тело, почему-то не боялся, что я брошу тебя?

Черт побери, Повелитель Демонов! Пусть мы и отыгрываем сюжет, но неужели ты и впрямь собирался меня бросить? Впрочем, даже вздумай он избавиться от меня, я бы ничего не смог поделать — пушечное мясо оно и есть пушечное мясо.

— Шучу я, шучу. С чего бы мне оставлять Цзянчэн?

Вэнь Сяоци облегченно выдохнул. Пусть трудно было понять, сколько правды в этих словах, но пока кто-то всё еще утруждает себя обманом, значит, в тебе остается определенная ценность. Радуйся и тому. Тем более что обманывает сам Повелитель Демонов.

Цзи Юйчуань поднялся на ноги, собираясь войти в дом.

— Сяо Ци, расспроси управляющего, что нужно взять в дорогу, и собери вещи — я уезжаю далеко. И не забудь привести себя в порядок, особенно волосы.

— Мне тоже ехать? Куда?

— Лечить твою голову!

Вэнь Сяоци мысленно замер: да когда же ты наконец уразумеешь, что этот мелкий прислужник

рядом с тобой — создатель здешнего мира!

Ночь над Цзянчэном опустилась стремительно. Прозвучал последний удар колокола, и люди забились по домам, вперив взгляды в непроницаемо-черное ночное небо — безмолвное, мрачное, бесконечно далекое. Вэнь Сяоци сидел на подоконнике, рассеянно глядя в окно.

Очевидно, Цзи Юйчуань знал о Гниющем Драконе в реке и смутно догадывался о значении той черной грязи. Его сегодняшние расспросы сводились к одному: если заведомо известно, что Цзянчэну не миновать беды, стоит ли вообще пытаться что-то предпринять?

Непонятно только, на каком этапе произошел сбой. Пробуждение Гниющего Дракона должно было случиться в ближайшие полмесяца, и если другой главный герой, Се Вэй, не объявится в срочном порядке, то в нынешний период противостоять чудовищу просто некому. Придется поломать голову над тем, как вытащить Ло Дунсюня на Гору Наньмин и затащить Се Вэя в Цзянчэн. Только Ло Дунсюнь способен разомкнуть барьер и впустить Се Вэя внутрь.

— Господин, вы не можете так поступить! Этот брак заключен отцом и старым главой города. К тому же госпожа Ло ни в чем не провинилась — как можно вот так запросто взять и расторгнуть помолвку?

Вэнь Сяоци очнулся от раздумий. Цзи Юйчуань собрался порвать с Ло Цзылин?

— Я уже всё решил, пусть будет так. Я спать.

— Господин, нельзя же так! Что подумает о госпоже Ло весь Цзянчэн...

Раздался громкий звук хлопнувшей двери.

Вэнь Сяоци переваривал этот диалог добрую половину дня, а на следующие сутки догадка подтвердилась — новость, способная разнести в клочья его слабое детское сердечко, оказалась правдой. Цзи Юйчуань отправил в поместье главы города послание. Застав Ло Цзылин в отъезде, он в одностороннем порядке аннулировал помолвку с ней и, прихватив Ло Дунсюня, собрался в путь.

Неужели Повелитель Демонов внезапно проникся состраданием и решил сбежать с Ло Дунсюнем?

— Юйчуань, куда мы направляемся?

— На Гору Наньмин.

— Что-о? На Гору Наньмин?! — завопил Вэнь Сяоци так громко, что торговец сладостями в

тридцати шагах от них испуганно подпрыгнул.

Проходившие мимо зеваки удивленно замерли, сбегаясь посмотреть, какую очередную глупость удумал помешанный слуга из поместья Цзи. Все в округе слышали, что у Цзи завелся полоумный холоп по прозвищу Сяо Ци, который каждые несколько дней закатывал истерики с требованием убить его, но воочию увидеть его удавалось редко — из поместья того выпускали нечасто. Сегодня же выдалась редкая возможность.

— С виду такой смазливый, жаль только, дурачок, — покачала головой сваха, спешившая по чьему-то душу.

— Да какой он дурачок? Просто горло луженое. Может, глухой вовсе?

Ло Дунсюнь покосился на Цзи Юйчуаня. Тот, казалось, давно привык к подобным зрелищам, невозмутимо взобрался в седло и бросил:

— Сяо Ци!

Вэнь Сяоци даже не глядя мог представить этот взгляд Цзи Юйчуаня. Однако червячок сомнения не давал ему покоя: с чего вдруг Цзи Юйчуаню понадобилось на Гору Наньмин, да еще и вместе с Ло Дунсюнем, расторгнув при этом помолвку? Неужели он владеет даром предвидения?

Сюжет трещал по швам, превращаясь в балаган. По логике вещей, в светлое время суток, сразу после рассвета, в Цзянчэн должны были нагрянуть Трёхзубые летучие мыши. Согласно легендам, на Горе Наньмин обитал некто способный с ними справиться. Ло Дунсюнь отправляется на поиски, сталкивается с Се Вэем, а тем временем на свадьбе Цзи Юйчуаня и Ло Цзылин влюбленная в жениха Мяо Ци принимает его облик и убивает невесту. Это приводит к разрыву между Цзи Юйчуанем и Цзянчэном, после чего их пути расходятся навсегда...

Но теперь Цзи Юйчуань сам отменил собственную свадьбу и тащит Ло Дунсюня на Гору Наньмин. О подобном Вэнь Сяоци мог только мечтать, но и в страшном сне не смог бы воплотить в жизнь, а Цзи Юйчуань проделал это играючи.

Откуда ему вообще известно, что Се Вэй ошивается где-то возле Горы Наньмин? И уж точно не из-за брошенной вчера фразы Сяо Ци он решился отменить торжество.

Неужели он и впрямь попаянец-попаданец?!

Троица выехала верхом за ворота городского рынка и направилась к Горе Наньмин.

К полудню солнце раскалилось до предела, и путешественники остановились на привал в

тенистой горной расщелине. Сяо Ци спустился к ручью на дне ущелья, чтобы набрать воды.

— Юйчуань, раны Сяо Ци еще не зажили. Брать его с собой — а вдруг что-нибудь случится?

Всем было известно, что прислужник в поместье Цзи круглые сутки мается дурью. Старшее поколение семьи отличалось добросердечием — когда-то они подобрали паренька на дороге. И хотя умом и расторопностью он не блистал, кое-какую работу выполнять был способен, а раз не буянил, на него и махнули рукой.

На этот раз Цзи Юйчуань отправился в путь налегке, не взяв с собой ни единой живой души, кроме этого растяпы Сяо Ци, у которого всё валилось из рук.

— После того как его укусили, его состояние то улучшалось, то ухудшалось. Кровопускание при ранении вроде бы помогло внешне, но пульс и ци остаются совершенно хаотичными. Я слышал, что на Горе Наньмин живет отшельник, постигший Дао. Я хочу не только расспросить его о том, как спасти Цзянчэн от надвигающейся катастрофы, но и показать ему Сяо Ци.

— Кстати, откуда тебе вообще известно, что на Горе Наньмин есть небожитель, способный разрешить кризис в Цзянчэне?

— Ну... — Цзи Юйчуань на мгновение задумался. — В былые годы старшие в роду рассказывали, будто видели, как на Горе Наньмин возносился в небеса бессмертный, а вокруг клубились благовещие облака. В Записках о Цзянчэне сказано, что Гора Наньмин существовала с незапамятных времен, еще до того, как город оказался запечатан. Когда мириады будд совместными усилиями накладывали печать на Цзянчэн, ритуал проводился как раз на Горе Наньмин. Поэтому я подумал, что именно там мы и найдем ответы.

<http://bllate.org/book/19780/1948911>